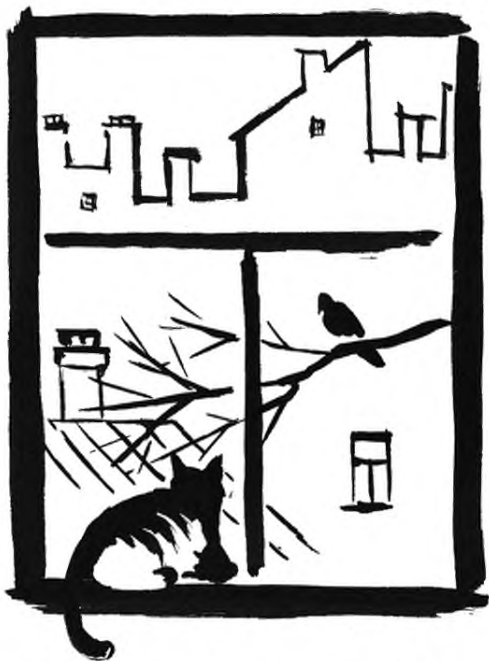

ОДНО И ТО ЖЕ

БОРИС ЛИХТЕНФЕЛЬД

БОРИС
ЛИХТЕНФЕЛЬД

ОДНО
И
ТО ЖЕ

Борис Лихтенфельд

ОДНО И ТО ЖЕ

Книга стихов

Санкт-Петербург
2017

Борис Лихтенфельд. Одно и то же. Стихи. — СПб., Юолукка. 2017. — 128 с.

ISBN 978-5-904699-43-7

«Одно и то же» — вторая книга стихов Бориса Лихтенфельда (не считая двух самиздатских 1978 и 1981 годов, а также вышедшего в 2000 году в издательстве Виктора Немтинова в Санкт-Петербурге «Путешествия из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда»). Первая книга стихов «Метазой» вышла в 2011 году — также в издательстве «Юолукка».

Каждая из пяти частей новой книги начинается со старого стихотворения, служащего своего рода эпитафией. Большинство остальных стихотворений было опубликовано в литературных журналах «Звезда», «Нева», «Волга», «Крещатик», «Плавающий мост», «Чайка».

© Б. Лихтенфельд, 2017
© NL, оформление, 2017
© «Юолукка», 2017

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

Олегу Охапкину

Петербургских крыш полифония,
Контрапунктом — купол синагоги...
Уж не ты ли это, Ниневия —
Пепельный мираж в чухонском смоге?

Замер я, к окну прильнув, и внемлю
Памяти твоей о Божьем гневe.
Кит — один из тех, что держат землю —
Приютил меня в урчащем чреве.

Шевелятся, чувствую спросонья,
Вскормленные немотой глаголы;
Во грехе, во мраке беззаконья
Зреют для пророческой крамолы.

Сам дрожу пред их растущей силой,
Трушу их утробного азарта.
Лучше бы им, думаю, могилой
Стала эта нищая мансарда.

О виденье с музыкой, потухни, —
Заклинаю, — поглотись клоакой
Коммуналки с галдежом на кухне
И всегда голодную собакой!

Но вотще: налипло на ресницы,
Ширится моей помимо воли.
Твердь катастрофически кренился,
Ошалелый кит мычит от боли...

Господи! Уйми глаголы, стисни
Горло. Отродясь косноязычен,
Я хочу неброской тихой жизни.
Не хочу плевков и зуботычин

Твоего сплоченного народа.
Отодвинь назначенные сроки!
Эта темень, эта несвобода
Мне милее, чем удел высокий.

Но не слышит небосвод беззвездный
Вздых мой робкий: только не сегодня!
Встань, иди — доносится из бездны.
И не скрыться от лица Господня.

1982

* * *

Смертельным не зови симптом
болезни чистой белизны!
Будь въяве независим в том,
о чём в ночи свербели сны!

Покинув речь, фонемы те
десть поразят в полсотни зим.
С влеченьем к вечной немоте
недуг твой несоотносим.

Утихнут менестрели стай.
Отточие — авгура зуд..
Всю жизнь в уме перелистай!
Один ты на снегу разут.

Пока глазами ты не врос
в ту ночь, где с колыбели сны
в тревожный замкнуты невроз,
терпи уколы белизны!

2009

* * *

Неволит разве Зодиак нас
в густых туманностях гадать,
каков прогноз, что за диагноз?
Неведение — благодать!

Расположения созвездий
не следует искать к себе.
Не надо знаковых известий
и праздных мыслей о судьбе.

Богам ещё казался хилым
и вряд ли что-то знал о ней
сразиться вышедший с Ахиллом
и спрятанный в туман Эней.

2009

* * *

Ни шагу навстречу, ни слова!
Как дерево стой-шелести!
Твоя корневая основа
у века сего не в чести.

Расцвета не жди, подвизаясь
на поприще зыбком своём!
Вся жизнь твоя — робкая завязь
бесплодных сухих аксиом.

Нависших темнот не разгонят
всезнающие толмачи.
Поняв, оставайся не понят!
Язык обретая, молчи!

Под землю уйдёт за ответом
рекою не ставший ручей —
и нечего рыскать молве там,
где ты никому и ничей.

Иной подчинён ты задаче,
несметны иные плоды!
Ты здесь и не можешь иначе,
ревнитель источной воды!

2010

* * *

Ветвятся и вьются. Схлестнувшись, цепляют друг друга.
Иная — податливо гнётся, другая — тверда и упруга.
Растут, забывая откуда, не зная куда.
Словесной листвою шелестят, не давая плода.
Цветут, отцветают — то ввысь устремляются мысли,
то, глядь, обессилев, над самой землёю повисли.
То жизнь комментируют, то от неё далеки.
То к истине рвутся, то сеют, как пух, пустяки.

Верны своей вольной природе, порядку противясь,
уход отвергают и всякую внешнюю привязь.
Какое-то взяв направленье, сменяют затем
и вмиг забывают, свободные в выборе тем.
Трепещут слегка, дуновеньем задеты игривым.
От стужи немеют. Ломаются резким порывом.
В сплетеньях скрывают неясного замысла ствол,
что весь этот хаос без цели на свет произвёл.

2011

* * *

Пейзаж с водонапорной башней...
Она (анахронизм, как я)
давно бездействует, тая
тоску о функции вчерашней:
нутром черпаемую воду,
подняв наверх, распределять
и слабины не позволять
окрестному водопроводу.

Как хороша она в пейзаже —
подобна башне крепостной!
Дополнить мысленно стеной —
и вот уж высится на страже
колеблемых кругом устоев
и в гладь Петровского ковша
глядится, память вороша
и роль старушечью освоив.

Не так же ли и я когда-то
черпал, чтоб поддержать напор,
из глубины живой? С тех пор
стал сам цитатой бородатой
из прошлой жизни, старой темы:
одни лишь вздохи, пузыри,
и нет давления внутри
распределительной системы.

Не так же ль башню крепостную —
обшарпан, пуст, неисправим —
являю образом своим?
Что сим подобьем знаменую —
свой крах, убожество, нелепость?
Здесь архаичный, как язык,
мой дух, наверное, воздвиг
свою бессмысленную крепость.

2011

* * *

Интересы мои со временем разошлись не на шутку.
Я и раньше с ним плохо ладил, а теперь вот с трудом терплю.
Будь неладно оно — лишь бы вне меня, лишь бы к рассудку
подбираться не смело, не цеплялось репъём к тряпью.

Все движенья души привыкший подчинять непреложным законам
метафизики, я достаточный опыт уже накопил
опрометчивых отклонений, обусловленных временем оным,
чтобы внутренний пыл не пускать на пустой распыл.

Переменчиво время, как ветер. Какое из направлений
будет выбрано завтра, какому вчерашнему в противовес —
бесполезно загадывать, спорить, чей посев современной:
современность — всего лишь времени зыбкий случайный срез.

Но когда-нибудь всё застынет. Из той, далёкой эпохи
чей-то взгляд ловлю проникающий и с печалью такой,
что и сам каменею в этом неистовом чертополохе,
соприродность ему ощущая, нахожу наконец покой.

2011

* * *

Я помню детство первобытное
в кругу мучительных табу,
дразнилки, прозвище обидное,
страх перед бабушкой в гробу,
как из-за тела неуклюжего
душа страдала, как в тотем
вдруг мишка превращался плюшевый
и в дикий возвращал эдем.

Всё вижу, вопреки убийственным
напластованьям, сквозь пролом:
пещеру тёмную под письменным
с резными дверцами столом
и белокафельное капище,
дрова в объятых огня
и тень со стен как тянет лапищи
в объятых задушить меня.

Всё слышу: заклинанья родичей,
цивилизационный гул...
Я знаю, голос в хороводе чей
меня однажды встрепенул.
Что жизнь моя? Не этажерка ли?
Не эхо ли минувших эр?
Вот я, себя узревший в зеркале...
Вот я, рычащий букву «р»...

Дикорастущее двуногое,
чуть-чуть робеющее, но
уже способное на многое —
держись, моё давным-давно!
Тропами палеонтологии
на склоне лет пыхтя-кряхтя,
ищу следы твои далёкие,
иду, иду к тебе, дитя!

2011

* * *

Не пишу, а пишú — для души ненасытной пишú —
на бумагу писчую хлеб чернильный крошу —
не крошу, а прошу — у кого-то жалобно клянчу,
грех отчаянья нянчу, на погибель себе рашу —
не ропшу, а ишу — да с обратной, видно, дорожки
склёваны крошки птицами, ноша не по плечу —
не строчу, а кричу — только эхо мне вторит глухо,
и во мглу холодную голос уходит мой —
не пишу, а спешу домой.

2012

* * *

Разговор беспредметный — и глухонемые
суть не выявят взмахи кистей.
Не про нас её проблески-спазмы, не мы ей
толмачи с языком без костей.

Расползлась... В обрамленьи любом — необъятна.
Не о том говорим, не о том..
Мимо слов наших — эти зигзаги и пятна:
пальцем — в небо, в сознание — винтом.

Виноват, говорю. — Кто кого виноватей! —
утешительный слышу ответ..
Так играют оттенки абстрактных понятий,
что и тени сомнения нет!

Мы попали под действие мощного поля —
вот и поляризованы им.
Пусть обоих размажет свободная воля —
на своём всё равно настоим!

Разговор беспредметный, и смерть — не преграда
для его продолжения *за*,
где друг другу не противоречат два взгляда
и закрытые зрячи глаза.

2011

НА СМЕРТЬ ВСПЫШКИНА

Петербург — это сцена, не так ли? —
где сойдёмся мы снова, сходя,
удостоясь в последнем спектакле
свиста ветра, оваций дождя.

Моросит на измор фарисейство,
замыкая в блокадном кольце
непостыдно-потешное действо
с триумфальным провалом в конце.

Как под занавес нас ни колбасит,
каждый роль доиграет свою.
Режиссёр неприглядное скрасит,
лжу расплющит, как Всадник — змею.

Вспышкой офонаревший юпитер
лица высветит и раздвоит
наши тени... А как же наш Питер? —
не сойдёт ли за нами в Аид?

2011

* * *

Уходим, уходим... до будущей встречи,
уходим, уходим... спокойно, без шума...
Чей дальше черёд — кто-то сверху укажет.
Уходим, уходим, исполнив задание,
а что не успели — не нам разбираться.
Уходим: закончена миссия наша.
Подпольная явка накрылась. Уходим!

2010

* * *

Ушедшие, которых пережил —
как партия, в которую готовлюсь
вступить и я. Не ясен только срок,
для испытанья отведённый, то есть
когда высокий форум их решит,
что нет принципиальных возражений
против моей персоны, что и мой
им требуется голос для поддержки
влиянья своего на дольний мир,
нуждающийся в кардинальном сдвиге
пластов и представлений, что уже
украдкой вписан в новую систему
координат как точечный агент.

Живут слова их, имена и лица
в сознании моём, день ото дня
становятся всё ближе, всё яснее,
колеблют воздух, проверяют связь
по откликам тоскующего сердца.
Глазами поспешивших завершить
участие прямое в гиблом деле
и приступивших к действиям извне
гляжу вокруг себя чуть отстранённо
и перед кооптацией своей
оплакиваю, призываю в помощь,
вступительный оплакиваю взнос.

2011

* * *

Все наши куцые заслуги
уйдут бесследно в глинозём...
Всё наше знание друг о друге
невесть куда мы унесём.

Уснём под знаками сложенья,
как всё сложилось, не узнав.
Над суммой тщетного служенья
взойдёт наш братский кенотаф.

Отшелестит молвою клейкой
неутешительный итог —
и достоверность между строк
блеснёт прибавочной копеечкой.

2011

ЭЛЕГИЯ

Холодный дождь, хлеставший по лицу,
смягчился вдруг и закружился снегом,
на пни и склоны сизые холмов
ложась покровом призрачно-лоскутным.
Но эфемерной белизне в лесу
не помогала переключка с небом.
Под сапогом болотный чавкал мох,
и поступь колобродила поступком.

Смелее, горожанин, гражданин!
Естественные преступай границы!
Впишись в пейзаж под снегом и дождём!
Не возводи свои пристрастья в принцип —
скорее через них перешагни!
Сегодня ты, как эти сосны, явью
не угнетён — от спячки пробуждён,
любому соприроден состоянью.

Намёк на зиму, как намёк на смерть,
легко читался в воздухе тяжёлом,
но как-то было не уразуметь —
сбивали с толку демоны лесные,
всё норовили что-то подменить
в картине мира, наспех метя жёлтым
и белым путеводную финифть
осенних троп. Ни зги не прояснили!

Поблекла, как беславный травелог,
торясь в траве забвения... Финита?..
Куда гражданский нас направил долг
по слякоти среди рыхлых дефиниций?
Я — только эхо. Вторю и мечусь,
невнятным подчинён перегородкам,
кристаллизуя хлябь смятенных чувств —
любовь и смерть в слияньи сверхприродном.

2011

ПАСТОРАЛЬ

Эротический танец стрекоз голубых:
изогнувшись, прижались друг к дружке, как две запятых.
«Мир прекрасен!» — кавычки повисли,
выводя на прямую, рождённую музыкой, речь
или, чтобы от ложного пафоса предостеречь,
намекая: да нет, не в прямом, разумеется, смысле.

Здесь, под ласковым солнцем, вдали от страданий и бед,
от проклятых вопросов, таящих банальный ответ
«это всё ненадолго», природа ли, Бог ли —
хореограф, вчитайся, дрожащая тварь,
в пируэты любви, в перезрелой морошки янтарь!
Помнишь, Пушкин просил перед смертью?..

Чернила ещё не просохли,

как и слёзы, с того (на слуху Пастернак) февраля...

А стрекозы немолчной жизелью, беспечным своим труляля
летний морок усердно клубят перед зимнею стужей.

И вербальный прозрачен балет. Партитура его — палимпсест:
вещих муз хоровод или нежных загробных невест?

Не овец ли словесных рожок созывает пастуший?

«Жизнь — блаженство!» — жужжи-стрекочи, пока пыл
не остынет! Наверно, ты просто забыл,
что не Эрос, а Танатос этою музыкой пылкой
дирижирует, губы — два жирных синюшных червя —
то слюной увлажняя, то нервно кривя
саркастической скользкой ухмылкой.

2014

ПАМЯТИ Б. Д.

О русской прозе, с прозой русской жизни
рифмующейся глубоко и точно,
когда-то я сказал всё, что хотел,
внушая Музе взбалмошной: дружи с ней!
Лицо её немолодо, отёчно,
характер же отнюдь не мягкотел —
быть может, иногда тяжёл, как жернов,
но верен ритму тайному, который
вращает и поэзию, а та
под гнётом синтаксических концернов
раздроблена, но пишущей конторой
скрипит, особым делом занята.
Обеих приютит учебник школьный,
и под свою опеку государство
или на службу важную возьмёт,
орлом двуглавым иль пятиугольной
звездой упадёт, смягчив удар свой
посулом новых истин и высот.
Поэзия повторами с одышкой
пусть с прозою поделится, а проза
земным законам подчинит сестру,
при этом намекнув: закон — что дышло
и не страшнее русского мороза,
чуть лишь рука потянется к перу.

2016

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Нет, нет, я не о том, о чём сегодня
не думать невозможно. Брань Господня —
в сердцах, в крови, и эта колобродня
затишья не сулит. Мы не вольны,
границ не зная, как лесные звери,
прочь от огня, предчувствуя потери,
бежать, забыв, что вся, по Алигьери,
земная жизнь — тяжёлый труд войны.

Стратегии и тактики в утробе
заложены азы, и ритму обе
обыкновенной барабанной дроби
подчинены. Когда ж на свет пора
нам вырваться, незримой рати трубы
встречают вестью будущей зарубы,
но, на приём не обижаясь грубый,
кричим своё невнятное *ура!*

Всех предстоящих тягот и лишений
не ведая, пересыпаем жменей
песок судьбы, к полку живых мишеней
приписаны едва ли не с пелён.
Следим за надвигающейся тучей,
нам каждый луч — как чудный дар, как случай.
Трепещем. Нарастает марш трескучий,
и переходный воздух накалён.

Учебный плац: шагаем в ногу строем.
Едва придя в себя, окопы роём...
Враг вездесущ — как будто всё нутро им
поражено, как на измор берёт...
Давно ль клялись: не отдадим ни пяди!
А вот уж — в окружении, в осаде...
Не лучшее ли из противоядий
команда безрассудная: «Вперёд!»?

Бог даст, ещё мы вспомним, как хлебнули
с лихвой, как коченели в карауле,
как в грязь валились, как свистели пули,
как дым нам ел глаза, а тело — вши,
и сон кошмарный апостериори
встряхнёт наш ветеранский санаторий
и приглушит посредством аллегорий
страдания израненной души.

Удел её — метафора солдата
той сновиденной армии... Расплата
вот ей за всё — истерзана, разъята...
Как целому, покинувшему часть,
теперь ей время — бремя, годы — гири.
На брюхе в заминированном мире —
и в сторону бегом. На все четыре —
в бескрайней шири без вести пропасть.

Ужель все жертвы, все труды — впустую?
Ужель — позор на голову седую —
чужой победы лицезреть статую?
Вот пытка: стыд мучительней, чем боль.
Стон совести контуженной: не знали,
как следовало действовать, одна ли
последняя надежда в арсенале,
последнее решение одно ль.

Рвануть ли под обстрел артиллерийский
всех адских сил, не взвешивая риски?
Чего от жизни ждать, милитаристики?
Не зимних же — с довольствием — квартир!
Но есть иная доблесть: «Надоело! —
сказать себе. — А мне какое дело,
кто победит!» — и в безнадежность смело
шагнуть. Ну, что ты медлишь, дезертир!

2014

* * *

На прощание всем надо всем
всё прощать, и не семь раз, а семью
семь, чтоб лёгкой душой надо всем
на прощание взмыть, насовсем
покидая печальную землю.

Да простит нас! Жестоки, грубы
по природе, а всё же терпела!
Пожелаем ей лучшей судьбы,
чтобы дети и впредь как грибы
вылезали и ось не скрипела.

2013

* * *

Как выразителен этот уступ
Кровли! Как многозначительно скуп
Зренье пленивший мое колорит!
Что-то невнятное он говорит
Сердцу, какую-то нежную боль
В нем бередя, каковую дотоль
Все не хотело оно замечать.
Будто зимы ледяная печать
Тает на нем, не дождавшись весны,
И отлетают тяжелые сны.
Льется какой-то неутренний свет...
Некий неписанный Третий Завет
Приоткрывается. Хочется ниц
Пасть, будто шелест знакомых страниц
Уха коснулся, и заворковал
Голубь незримый, и некий провал
Вдруг обнаружился резко в судьбе..
Медленно по водосточной трубе
Взор опустил я в колодец двора:
Мусорный бак, подворотни дыра,
Ржавый сугроб у облезлой стены
Вроде застывшего гребня волны,
Серая кошка, старуха с клюкой —
И, зачерпнув этот затхлый покой,
Поднял я взор осторожно наверх,
Не замечая, что свет уже мерк —
Тот, всколыхнувший всю душу до дна,
Не сознавая, что символ окна,

Память очнувший о мире ином,
Вновь становился обычным окном...
Чудо, а в чем оно — не передать:
Кровли уступ, голубок, благодать,
Что озарила как вспышка меня,
Веи блужданий былых отменя.
Вот уж в душе моей снова темно.
Чудо ушло. Запотело окно...
Но неужели ушло навсегда,
После себя не оставив следа
Сердцу — на память, судьбе моей — впрок,
Кроме вот этих беспомощных строк?

1982

АДРЕСА

1 (искусство).

Мутной лужицей на дне двора-колодца
тусклое сознание отражает
только скорлупу, что окружает,
только срока ждёт застыть и расколоться.

Всё внутри, чем мучим был снаружи.
Всё твоим сознанием емлется, не зная,
где межой проходит трещина сквозная,
что всплывёт, проклюнувшись, из лужи.

Замкнуты в себе его рефлекс-блики
двориком в Столярном переулке,
кругом заключённых на прогулке,
сеющих бывшего алиби-улики.

Эта жизнь чудовищно чужая
пусть наводит ужас — только не молчи ты,
детский, леденящий кровь, многоочитый
страх щитом блестящим отражая!

2.

Рассеянный ум лоботряса с Бассейной
(не той, что Некрасова ныне, а той,
у парка Победы) был притчей семейной.

Как парк разрастался сюжет нелинейный
над слепками с грёз и могильной плитой,
Расеей на ум навалившейся, чтобы
рассеянных мыслей народец собрать
в небесный Петрополь, в заказник особый,
когда ветхих слов приоткроются гробы
и добропобедную выпустят рать.

Рассеянье — это условие встречи
когда-нибудь где-нибудь... Определим
точнее тот миг в категориях речи —
и Александрия забрезжит далече,
град Китеж, небесный Иерусалим,
где снова сойдёмся мы, как в Петербурге.
Все нити сюжетные сходятся там.
Сыграем с судьбой в города или в жмурки,
на ощупь на слове друг друга и юркий
ловя её смысл, предназначенный нам.

3.

В тёмной ли комнате, в книге ли,
полной длиннот и темнот,
в сердца ли внутреннем флигеле —
мир сей так суетен! — от
времени прячась убогого,
от дуновений извне,
как я любил это логово!
Господи! Всё — как во сне...

Лестница грязная, битые
стёкла, кошачья моча...
Молодость... Каждый кульбит её
в памяти... жаль, без ключа

для расшифровки... Школярская
тайнопись, ребусы на
стенах... Большая Пушкарская...
Снова приснилась она.

Гонят ли ветры простудные
к месту терзаний былых,
сами ли души преступные
в тот же колодец — бултых! —
с фабрикой «Светоч» соседствуя,
сколько бумаги извёл,
трюки пристрастного следствия
протоколируя в стол!

Как всё аукалось!.. В кабеле
после пожара — обрыв...
Было одно только алиби:
логово как логогриф
хищного рыска... Бесхлопотно
бродит стареющий зверь...
Тёмная книга захлопнута,
как заповедная дверь.

4.

Здесь, между кладбищем и заливом,
между прошедшим (увы!) и будущим
(будет ли?) жить дураком счастливым,
диким глядясь, вероятно, чудищем
на пустыре унылого *ныне*,
не замечать его зла язвящего,
не уповать на мираж в пустыне,
впрок тиражируемый навязчиво,

и открывать по наитию море,
плеск его слыша в немолчном шелесте
сада над вечным *memento mori*,
и не стыдиться своей замшелости,
как эти камни, знать своё место
в этом пространстве и в этом времени,
не содрогаться от ласк норд-веста
под облаками и под деревьями...

2010–2013

* * *

О мистическом теле России,
сокровенных его потрохах
нету слов — разве *Боже, спаси и
сохрани!* — невпопад, впопыхах.

Воплощённой за ним не угнаться,
несмотря на врождённую прыть.
В чистом поле его эманаций
никакого изъяна не скрыть.

И пока дорогая стареет,
усыхает к концу своему —
в вышних тело нетленное реет,
посылая сигналы сквозь тьму.

Все диагнозы — к худу. Осталось
неизбежность спокойно признать,
обеспечить достойную старость,
социальную помощь призвать.

И сакральную: *Боже, спаси и
сохрани!* — и повергнуться ниц
перед ликом небесной России
без недугов земных и границ.

2011

* * *

За Петровым бугром бродит по небу гром,
норовит молоньёй ослепить,
подрубить топором, оглушить, усыпить,
подцепить сучковатым багром.

За Петровым бугром все тропинки ведут
в вечный морок просторных хором,
что ветрами продут сокрушительных смут,
превращающих мир в бурелом.

За Петровым бугром несть соблазнам числа,
а в придачу — похмельный синдром:
влага жизни ушла в область облачных дрём —
и, сгустясь, как свинец тяжела.

2011

* * *

Грозовой надвигается фронт,
захватить хочет весь горизонт —
и спешат под угрозой взбучки
поддержать его мирные тучки.

Отдалённых раскатов призыв
их стянул, чтобы, стяг водрузив,
грузной массой сплотились в зените —
в средоточьи мерцающих нитей.

Разверзаются хляби окрест,
подавляя малейший протест.
Согласованно действуют фланги
беспросветной свинцовой фаланги.

Всё пространство прочёсано. Шквал
всё единым порывом сковал.
Триумфальной аркадою радуг
продвигается новый порядок.

2011

* * *

Отпыхали сполохов зигзаги,
отгрохотала гроза.
Не источают целительной влаги
внешнего Бога глаза.

Слёзные железы, видно, ослабли.
В воздухе — тягостный зной.
Слышно лишь: редкие падают капли
где-то в пещере земной.

Там все печали, как в озеро, слиты
в некий безмерный сосуд.
Там всех скорбей мировых сталактиты,
света не зная, растут.

Бог-Спелеолог однажды под своды
тёмного мира ступил,
тронул стопой потаённые воды,
внутренний лёд растопил.

2011

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. (Нострадамус)

Под космами космического ветра
растает вечный лёд, иссякнут недра.
А племя, вожделевшее вождя,
дождётся лишь кровавого дождя.

2.

Вновь подморозило — и, вроде,
к развязке не спешим кровавой,
пока на левом повороте,
как встарь, не занесёт нас вправо.

3.

Две России — как две Кореи,
но давно ушла в небеса —
в сокровенные эмпиреи —
пограничная полоса.

4.

Скоро, скоро дух наш сбросит, прозрев,
кандалы своих скреп —
и сакральный бизнес-проект «РФ»
поглотит Эреб.

2007–2015

ДВЕ СТРАНЫ

1.

Гирляндия — страна невнятных грёз.
Луна — её столица и царица.
Январский явно ей к лицу мороз —
вся новогодней радостью искрится.

Мудрейшим не прочесть, не разгадать
Гирляндии посулы и посылы...
Когда же к нам она, как благодать,
направит миротворческие силы?

Вуалью образ прикрывает свой,
но не даёт забыть ни на минуту.
Гирляндия всегда над головой —
и победит легко любую смуту.

В ночи немеет разум испокон:
великолепна каждая когорта!
Нагляден в душах нравственный закон,
Гирляндия над крышами простёрта!

2.

Баландия — страна, где царь и тать
синонимы, то бишь в одном флаконе,
в одном лице — век воли не видать —
в разбое повседневном и в законе.

Затюканный, опущенный народ
Баландии в плену своих традиций
за пайку от начальничьих щедрот
привык на брюхе ползая трудиться.

А за бугром копнуть — везде корысть!
Коварному Нахрапистану глотку
Баландия готова перегрызть
и шорох навести по околотку.

Пусть шестерят пахан и вертухай
в одном лице на стрёме и на страже!
Парашей на весь мир благоухай,
Баландия! Ты круче всех и краше!

2013

* * *

Когда живописных средств языка
едва хватает на фон, подобный
тревожному рокоту, и зыбка
далёкая цель, ближний план подробный
почти невозможен, а если вдруг
проявится, выплывет из тумана
на стрежень свободной речи, как струг
лихого казачьего атамана,
то разве что в контурах бледных, но
довольно и этого, чтоб картина
на миг ожила: если фон и дно —
тождественны, а речевая тина
трофеи, сброшенные за борт,
хранит от означенности, опутав,
то темень, разъевшая натюрморт,
живее отчётливых атрибутов.

2010

* * *

Исландский мох и сладкий мёд
поэзии в твоих угожьях, Один,
с лесных холмов для снадобья возьмёт
болящий дух, безволен и бесплоден.

И зелье загустеет, как смола
в сухой коре соснового ствола,
и в сагах памяти хронически недужной
проступит висою жемчужной...

Неясен издали,
но шелестит и льнёт,
как ясень Иггдрасиль,
тот миг целительный,
что арфой скальдовой
в Валгалле вторится...
Ужо оскалится,
в реальность вторгнется!

Иначе как до будущей весны
дожить? — скажите, доблестные асы!
Ассоциаций действенны запасы,
как в спячке городской лесные сны.

Асоциальных не стыдись повадок,
волк — человекам, человек — волкам
очнётся подорвать миропорядок,
как пробудившийся вулкан.

2010

ПАУЛЬ ЦЕЛАН — ЖИЗЕЛЬ ЛЕСТРАНЖ

Жить так трудно, мой друг — и, скорее всего, потому, что с трудом поддаётся наш горестный опыт уму.

Или нет: оттого, что как раз доясна объясним, и не сладит рецепт мудро-сладкого снадобья с ним.

Мир наш в белой горячке, а то и совсем ошизел. Разве к жизни приложишь готовую схему, Жизель?

Есть лишь бездна страданья, в котором отсутствует суть. Нам даётся лишь призрачный шанс безрассудством блеснуть.

Станет легче, быть может, когда, как излишки забот, сбросим в море житейское наши мыслишки за борт.

Лёгким дышится тяжело. Нелёгкая, знать, занесла на галеру, где рук не даёт оторвать от весла.

Но ещё и ещё бередит нам нутро подналечь образ близкого берега из-за безропотных плеч.

2010

РОМАН О РОЗЕ

Испутившая дух в Эдеме, чем их влекла эта Роза — чевенгурского донкихота и поэта из Черновцов? Удобренный пеплом войны, распустился в дыму паровоза, как в парижском саду соименном, и в берлинской лазури пунцов цветок их страдальческих грёз, дымолозунг в лоскутьях заката пролетарского гиблого дела. Грядой пролетающих лет над безбрежной тоской их сиротства облаков растянулась регата. Утопия — это такое пространство, где мёртвых нет, где переплетены нераздельно реальность и литература, где роза Ничто-Никому прорастает сквозь Черновцы и в голодной скифской степи мерцает грааль Чевенгура. «Женщина пусть поплавает» — из уст убийц, и концы в воду Ландверканала... А небожитель — в Сену, в тот же год, когда разрядилось ружьё в азиатских горах. Несчастно как-то и в Чевенгуре... Когда на смену эйфории революционной приходит похмелье, крах взрывоопасных иллюзий превращает счастье в руины, буржуазным бурьяном заросшие... А сегодня эти места — как старые раны на теле истерзанной Украины, как розы, когда-то сорванные с двух сторон одного куста.

2015

ПРОЩАЙ, ПРАЩУР!

1.

В том краю, на краю, у края,
в междуречье разрыв-страны —
две излучины, две струны:
то одна плеснёт, замирая,
то накатит тоской вторая —
и навзрыд: «Не ль по ли ны...»

Там, как тополь, охвачен дрожью,
корни славы былой раздвиг,
из подземных вод, как из книг,
исчерпавший Премудрость Божью,
до раздора по бездорожью
нас довёл поводырь-язык.

Бузина ль в огороде, гусь ли
ходит гоголем гогоча —
уморить грозит саранча,
но журчат ещё эти гусли
в том же смысле и в том же русле
и не требуют толмача!

2.

И станет Киев русскою мечтой,
как встарь Царьград-Константинополь.
И снова будем грезить мы Святой
Софией — янычары ли, Европа ль

к ней ограничивают доступ, кипарис
или каштан и самостийный тополь
влекут под сень своих зелёных риз
надежду утлую — теперь одно и то же...
Пускай утратим — забывать негоже,
откуда есть пошла сия земля,
как разрасталась, бездны шевеля,
как Ольга жгла древлян, как от набегов
хазар и прочих печенегов
многострадальную старались уберечь,
как гордых греков щит смирил Олег,
как напирала Речь на Сечь,
как вольницу Москва угомонила,
как древняя Аскольдова могила
дремотный оживила одеон...
Пусть вспыхнет память Искрой с Кочубеем,
чей прах в обители печерской погребён!
Вздохнём, отступим, да не оскудеем,
храня в сердцах огонь былых времён!
Всё вспомним, всё в полон души захватим:
дни Турбиных, турбины ДнепроГЭС,
и Бабий Яр, и партизанский лес —
и крест Владимира на бересте небес
проступит незабвенным ятем!

3.

По Русландии заколдованной
побреду.
Жизнь — колдобина за колдобиною —
как в бреду.
Голова полна всякой нечисти,
свет померк,
словно юных грёз в бездне вечности
фейерверк.

Кем, княжна душа, ты похищена?
Знак подай:
далеко ли тот дворец, та хижина —
твой сарай?

Налетел в обличьи стервятника
печенег —
и забыла мирного ратника
чистых нег.

Память стала от зелья терпкого
коротка.
Не увидишь впредь златоверхого
городка!

Под окном для тебя соловушка
не споёт!
Не украсит луч красна солнышка
твой киот!

...Где-то море шумит баюкая,
бьёт фонтан.
Погружается дева юная
в сон-туман.

Пленена мечтами наивными,
ты прости:
мне тебя ни мечом, ни гривнами
не спасти.

Уязвлённой колдуньи происки
узнаю.
Зря извёл я на эти поиски
жизнь свою.

Спотыкаюсь, не глядя под ноги:
съехал шлем
на глаза. Нету сил на подвиги,
и не вем,

как безбожницу лысогорскую
победить,
как заложницу черноморскую
пробудить.

2014

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ МОСКОВСКОГО ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Перекипел, Москва, твой самовар
И разорвался, окропив застолье
Горячей кровью. Двести лет татар
Тот год вместил бы... Но прошёл угар —
И снова слышен зов на богомолье,
Клич (глас осьмый): спастись и спасти!
Гостеприимная — ни дать ни взять —
Как тёща, знаменитая блинами
И болтовнёй, на прямом фимиаме
Настоянной. Промеж её сынами
Неблагодарный затесался зять.

Сидит угрюм, ни слова не проронит,
И ни одно из полчища словес,
Пылящего беспечно до небес,
Его глухого сердца не затронет,
Неуязвим, как призрак или бес.
Опущен долу взор. Душа — потёмки.
На дне её — усопшая звезда.
И прошлого священные обломки
Дают урок ей — не свивать гнезда.
О вас ли думать, жалкие потомки?..

Красней, Москва, припёртая к стене!
...Как на духу, за чаем точат лясы:
Земля в тряпье... Всевышний на Луне...
Та восемь лет не потребляла мяса,

Тот, кабы не Христос, утоп в вине
(Что было б лучше, ибо на свободу
Не всем есть выход из тюрьмы греха).
Вот так вино пресуществляют в воду
И третьего не слышат петуха!..

Всё чуждо мне... Играю под сурдинку,
Судить не смею. Прячу боль и стыд.
Один, один... — я лепечу навзрыд
И, проходя сквозь тихую Ордынку,
Вдруг замечаю, что душа парит...

Клуби, Москва, в кругу своём семейном
Открытых душ любвеобильный пар!
Скорби, Москва, склоняясь над бассейном,
Где прежде клокотал твой самовар!

1980

СТИХИ О РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

1.

Жил и работал, работал и жил —
как там на мемориальных
выбито досках, а чем дорожил —
вне обстоятельств реальных
места и времени, давших приют.
В этих пределах слезу им
не прошибить, ибо не придают
смысла, что в них не скажем,
не подлежащ извлечению на свет —
не утруждайся, потомок! —
из достославного гула клевет,
из дословесных потёмок.

Душу скрывают, сгустясь дочерна.
Внятному определению
не поддаётся, не удручена
непозволительной ленью.
Вся её жизнь — перманентный аврал
в хаосе будничной тьмы той,
что бы потом, на свету, ни наврал
действия образ размытый.
Ведает лишь запредельная весь
участь своей уроженки:
в вечной котельне воочью во весь
рост кочегар Ярошенки.

2.

Не Левитан — скорей всего, чуть позже
написан был пейзаж: два рыбака
над речкой, три берёзы над заросшей
быльём эпохой, в кронах — облака.
Он детство осенял — и не во сне ли
здесь, на чужбине старости, гляжу
на ветхий холст, подобный миражу?
Взор помутнел, и краски потускнели.
Всё блик ловлю какой-то — не поймать! —
какой-то миг из той поры далёкой...
Берёзы, облака, отец и мать —
в виденьях ностальгии с поволокой.
Как белоэмигрант, водораздел
бессильный перейти, живу под сенью
своих берёз, к чужому глух веселью...
Уж двадцать лет, как я осиротел.

3.

Тебе ли неведом опыт отсутствия долгого? Пыль дорог
на ветхой одежде... А неизъяснимые чуть лишь покинешь дали,
как в первом же приближении, едва ступив на порог
родного когда-то дома, на лицах прочтёшь: не ждали.

Отец этот мир покинуть, с печалью поймёшь, успел,
а дети выросли, не сохранив младенческих воспоминаний.
Отцвёл вдохновенный замысел, а плод всё ещё неспел,
и праздное любопытство не поощряется строгой няней.

Не то что совсем забыли, но столько лет без вестей,
что образ прежний размылся, а новый внушает странные чувства.
Твоих страстей несусветных привычный уклад святей —
и нет верней ему стража, чем бдительный страх кощунства.

Архаика не спасает от закипающих смут.
Потом и они остынут, в предание перельются.
Архангельских вьюг дыхание сконденсируется в талмуд,
а Белое море не выпить с причмоком, как чай из блюда!

Твой апофатический подвиг тѐмен и призрачен, как силуэт.
Мытарств бесконечная анфилада — распахнуты настежь двери...
Жужжащая тишина — надо всей суетой сует...
Пары всё того же опиума растворены в атмосфере.

И не разобраться, чем именно оптика искажена —
отсутствием долгим или неожиданным-негаданным возвращеньем.
Молчать будет мать, и лукавить будет жена,
и все упования будут уплощены воплощеньем.

4.

Ты и во гневе целишь недужные наши души,
что и в огневице лишь притихают, сулишь призы,
терпишь проказы, капризы. Журишь — затыкаем уши.
Тучи сгущаешь — мы дети, бегущие от грозы.

Бьёшь невпопад. Говоришь на невнятном нам диалекте —
гонишь нас или зовёшь? Многозначен каждый сполох,
повелевающий спрятаться по команде, а негде.
В поле обстрела открыто бежим сквозь чертополох.

Не выпускаешь из виду, не прекращаешь попытки
нас образумить, земле не даёшь уйти из-под ног.
Дар дорогóй промотав, до последней промокнув нитки,
как перепрыгнем ручей, превращѐнный в бурный поток?

Наша природа-язычница страхом одним ведома.
Сменишь ли гнев на милость, один язык на другой?
Сменим свои одежды, когда доберѐмся до дома,
и серым волком утешимся с милою бабой-ягой.

5.

Уж замуж невтерпёж... В дверях — жених.
Что дева старая, что томная вдовица —
миллион терзаний и набрякший в них
удел — от скуки удавиться!

Вся в ярком свете ярмарка невест —
вот-вот им свежего представят кавалера.
А чёрный хлеб аристократ не ест,
но ест глаза тоска, холера!

И смех и грех... Но кто в том виноват,
что делать нечего, что так пространство сжалось,
как будто мир сквозь горловину в ад
влечётся, вызывая жалость?

Свет бытия, мерцающий в быту,
обезоруживает inferнальных пугал,
превозмогает сердца слепоту,
захватывает каждый угол.

Случайные черты стерев и взор
направив пристальный на эту скудость вдовью,
последний лепт грядущий Ревизор
сочтёт с безмерною любовью.

6.

Бурлаки и под плетью метели
водовозы в упряжке — подростки,
всюду жизнь, и грачи прилетели —
колорит сострадания неброский,

краскам вторящий русской природы,
колобродит Владимирским трактом...
Бурлюки, сумасброды, юроды
шарят в будущем: что там и как там?

Жаль, в их ярком и яростном мире
продержалась недолго Коммуна.
Изведясь в коммунальной квартире,
смогкла вещая трель Гамаюна,
уплыла лебединой царевной —
и воркует печаль на перроне
под окошком с решёткой тюремной
отрешённо и потусторонне.

В пепелищах, руинах, увечьях
всё пространство, войною продуту —
Эверест черепов человечьих.
И перовская «Тройка» как будто
сквозь блокадную тащится зиму:
небо рваное, в трещинах стёкла —
и молитва сопутствует дыму,
а палитра, как память, поблёлкла.

7.

Помню, как ужас овладевал
детской душой — страх Божий? —
гибель Помпеи, девятый вал...
Пульс пропадал под кожей.

Там, среди обломков, будто я сам,
вторя тем страстотерпцам,
воплем немым взывал к небесам
и сокрушённым сердцем.

Краски последние. Всё черно
будет через мгновенье.
Зримое, видел, обречено
так на исчезновенье.

То было поводом заглянуть
краешком глаза в бездну.
Подан сигнал был: когда-нибудь
так вот и я исчезну.

Милостью чьей, узнавал, храним
на волоске повисший
мир: надо мною, как и над ним —
тот же Промысел высший.

...Теплится тихой тоской душа
по дорогим утратам.
Вечность, надежды её круша,
чёрным глядит квадратом.

8.

В мире абстрактных пустот
где ж академик найдёт типажи для массовки
в духе картины Иванова — тихий антихрист
шеествовал чтобы, как *Том*,
к ждущим и жаждущим, шабаш их жидомасонский
чтоб трепетал, а безродный какой-нибудь выкрест
чтоб возвещал им: *грядёт?*

В символах чтобы наглядно читались приметы
времени: зверь героин
вкрадчив, как солнечный культ голливудской блондинки,
жертвенник в виде руин

башни разврата... Один за другим пусть портреты
вспышками вырвет из каббалистической дымки
огненный транспорт Ильин!

Маркс-лжепророк чтобы зрителем с первого взгляда
опознавался в седом
бородаче, чуть поодаль Эйнштейн пучеглазый,
пеплом Гоморры кормящий ползучего гада,
тут же и Фрейд, в недрах психики вскрывший Содом,
что перед Страшным Судом
распространился по миру тлетворной заразой.

Камни, что будут в хлеба
превращены — под ногами, вдали — астероид
ястребом шизым завис над вершиной Сиона.

Вера без чуда слаба.

Только оно убедит и палитру настроит,
чтобы Архангела веская, как аксиома,
зримо звучала труба.

2011–2013

* * *

Что власть? — лишь лоцман-медиатор
народных чаяний и снов,
определяющий фарватер
по состоянию умов.

Успокоительною кривдой
малейший ропот их смилив,
она обходит каждый риф,
ведя меж Сциллой и Харибдой.

А если от её пилюль
тебя воротит, отщепенец,
скажи: она лишь как младенец,
играя, держится за руль.

2012

* * *

Кириллу Бутырину

Справедливость, свобода, честь и слава отечества...
Всех высоких понятий тучные облака,
друг о друга трясь и чешась в толчее овечества,
и паршивого не отшерстят от руна клокка.
На любое из них, пусть самое достославное,
и бесправный раб или узник своё найдёт
возражение: но ведь не то и не это главное!
И зачем повторять эти руны, как анекдот
с бородой козлиной? Как там — «ярмо с гремушками»?
Не понятия, а проклятия — и всё гремят, гремят,
и свистит над ними бич громовержца Пушкина:
весь греховный луг им, как ливнем шальным, примят.
Эти язвы не заживут без доброго пластыря.
Чем бы уши заткнуть, чтоб не слышать со всех сторон,
как ползут на убой, вразной-вразброд благодарствуя,
это бляенье, это мычание, этот стон
из некрасовских песен? Твердя сей бред идилический,
идентичность свою обретёшь разве что в козле
отпущения всех грехов до потери личности
гражданина мира, который лежит во зле.

2015

* * *

Обиды Демона отвергнутого
клубит Кавказ,
чей вольный, вдохновлявший Лермонтова
дух не угас.

Отняв покой у победительницы,
поработил.
Таит, чтоб не теряла бдительности,
в сердцах тротил.

Эквивалентом тихой ненависти
народ клеймён.
Читается в похабной стенописи
вражда племён —

пороховая, нескончаемая,
как внешний гнёт.
Чуть вспыхнет искорка нечаянная —
и полыхнёт.

И вот уж с крыльями расправленными,
не глядя вниз,
печальный призрак над развалинами
в дыму завис.

* * *

Чтоб оккупантам противостоять,
всяк выбирает свой калибр цинизма
и меру коллаборационизма,
за пядью отвоёвывая пядь.

Надежда водит свой скользящий луч
по затянувшемуся ожиданию.
Спасительный исход обложен данью,
как день возмездия — завесой туч.

Всё тот же исторический сценарий:
две тыщи лет про кесарев динарий
постылый повторяется урок.

С постыдной задней мыслью между строк
твердим азы доходных семинарий:
должно быть, повторение — не впрок!

2012

DIE SCHULDFRAGE

1.

И в третьем рейхе пели птички, дар
забвения ниспосылая:
ни труб, ни барабанов, ни фанфар
суконных маршей, ни раскатов ляя
из репродукторов! Прекрасные цветы
своим благоуханием кого-то
спасали от вонючей духоты,
а звёзды орднунгом рассеянной когорты
о нравственном законе и тогда
кому-то возвещали тиховойно,
и вспоминался запрещённый Гейне,
не избавляя от стыда...

2.

С любимой кошкой на диване,
давно уж всё поняв, лежишь
в каком-то полусне, в нирване,
в кармане честно спрятав шиш.

Не угрызайся, внуков радуй
и сам от мерзостей извне
служи сомнительной оградой
сомнамбулической жене!

Какое бы ни предстояло
возмездие, лови свой шанс:
вдохни поглубже, старый Ганс,
и с головой — под одеяло!

3.

В здравом рассудке, как в противогазе,
можно отравленный воздух вдыхать,
с иммунитетом к липучей заразе
как соловей в эмпиреях порхать,

проповедь в кирхе о муках Господних
утром воскресным послушать... Ну что ж:
пусть не готов был на жертвенный подвиг —
не соскользнул ведь на подлость и ложь!

Совесь чиста: не поддался психозу
разгорячённой сплочённой толпы...
Но безрассудную «Белую розу»
вспомнишь — и в душу вонзятся шипы!

2016

* * *

День с двух боков ночами стиснут,
аршин от страха проглотил,
в заумный вслушиваясь диспут
рассеянных над ним светил.

Ствол мирового канделябра
в огнях мерцающих прикрас.
Декабрьская абракадабра.
Набор абстракций. Абракасас.

Из года в год одно и то же —
и всё так ясно наконец:
пространство сжато, время — тоже,
и свету близится конец.

Но вновь — Рождественские ясли...
Звезда уж сдвинулась одна —
и глядь: все жупелы погасли,
жуть бытия побеждена.

2013

КРЕЩЕНСКОЕ

Подлёдный лов недоумелых душ...
Рабы греха как рыбы немые —
губами только мечем в глубине мы
не оглашаемые пузырьки-фонемы,
чья оглушённая со дна всплывает глушь.

Зыбь ожидания твердеет под ногой
и сводит дух вселенской жаждой.
Нам целый мир узилище, но каждый
на волю будет выпущен однажды,
и встретит каждого на выходе Другой.

И глянет в полынью звезда Полынь,
огнём холодным полыхая.
Оковы разомкнув, тоска глухая
сквозь гул немолчный ветра-вертухая
услышит повеление: отхлынь!

Голубке Ноевой ветхозаветной встречь
новозаветный белый голубь
уже летит и поджигает прорубь —
и, подступая судорогой к горлу,
бьёт в колокол очнувшаяся речь.

2010

* * *

Эти варвары варят и варят свой тощий словарь,
города затопляют и веся клокочущей кашей,
доведённую до тошноты и оскомины, взашей,
не давая опомниться, гонят оседлую тварь.

А задержится если, пожитки собрать не успев —
будет ей откровение с кровопусканием! Будет!
Искажут всю реальность и весь ареал испаскудят,
уходящей эпохе вердикт огласят нараспев.

Так уж было не раз. Можно вспомнить поверженный Рим.
Смена цивилизаций для Клио — привычное дело.
Скоро все мы, кого это дикое время задело,
на его худосочном наречии заговорим!

2011

* * *

Неужто всё на самом деле
так безнадежно в этом мире,
что пресеклась в струнах псалтири
мелодия другой модели?
Сюда, звучавшая не так там,
как музыкальная шкатулка,
ни из какого закоулка
не просочится такт за тактом.
Необратимый сдвиг по фазе.
Всё глуше эхо ностальгии
и всё слабее те, другие
причинно-следственные связи,
где каждый тон был органичен
своей вариативной теме,
но всё ж возможностями теми
был общий строй не ограничен.

2011

* * *

Райская весь: полсела — ботанический сад, полсела — зоосад.
Ласковый шелест силлабо-тонический и синкопический лад.

Всё общей мерою здесь измеряется.
Кто достигает вершин,
преображается весь и смиряется,
новый вкушая аршин.

Чувства, как в детстве и скотстве, таинственны...
Ровно ль, неровно ль дыша —
вся от малейшего отсвета истины
гулко трепещет душа.

Благоухают цветущие кустики,
шерсть бессловесных нежна,
и в каждом отзвуке лучшей акустики
музыка счастья слышна.

2011

* * *

В сердце моё войди, о Слово,
осла смиренного оседлав!
Пусть, как толпа, оно бестолково,
бессилен порыв, а восторг лукав —
кажется, все его закоулки
глухие знаешь: прошествуй сквозь,
чтобы, повергнуто в трепет гулкий,
оно осанной отозвалось!
Воздухом стань ему, чтоб трахея
впустила в грудь, чтобы настезь дверь!
Внутри загляни, словно в дом Закхея,
открытой вере его поверь!
От своего отрешась бывшего,
грядущему пусть приготовит путь.
Ведая немощь его, о Слово,
не дай отринуть, позволь вдохнуть!

2013

СОНЕТ

Стол, облачённый в скатерть облаков,
собой скрывает образ обоюдо-
сторонних связей: золотое блюдо,
свеча, алтарь, ковчег, альков.

Словарь высокопарно-бестолков.
Смять простыни тут было бы не худо.
Спасал когда-то парных тварей судо-
строитель Ной от смертных ков.

С тех пор как смерть и жизнь в союзе брачном
сродни союзу Неба и Земли,
слёз океан всё не даёт сопрячь нам
свои страдания с пиршеством вдали.
Светила меркнут, тонут корабли
со всем добром своим невзрачным.

2011

* * *

Утонул инженер человеческих душ
в утопических грёзах всегдашних,
и теперь твой черёд: потихоньку разрушь
цех его, диверсант-саботажник!

От станка Гутенбергова за облака
чтоб слова улететь не успели,
разболтай, раскурочь механизм языка
и настрой на преступные цели!

Незаметно ослабь семантический болт,
чтоб, контроль обманувшая строгий,
речь твоя, пережив и коллапс, и дефолт,
в область новых вошла технологий!

2015

* * *

Полиция по лицам узнаёт
врагов порядка.
Пытливая по улицам снуёт
её приглядка.

В мозгах — полицентризм координат,
и город, пьян сам,
тасует окна, колобродя над
большим пасьянсом.

Смятенный, перекрёстками крестясь
перед потоком,
сознательную отдал ипостась
на откуп копам.

Всё под контролем страха и стыда
в сквозном контрасте,
а мысли прут куда-то не туда,
все — чёрной масти.

На жительство имеется ли вид —
на законный
запретный мир, что сдвинуть норовит
предел законный?

Давлением, растущим к часу пик,
поток усилен —
дремуче-мутный, хлынувший в тупик
из всех извилин.

Подвальные вот-вот из всех ноздрей
повалят глюки.
Канализационные скорей
задрайте люки!

Ад извергает чёрною дырой
свои посылы.
Взыскует репрессивный домострой
наёмной силы.

Как за ограду град, всё рвётся ум
зайти за разум —
а там пустырь, какой-то каракум,
кишит спецназом.

2011

ОБЫСК

Начнём!.. При входе понятия
в полусклоненьи наготове
поставлены, как запятые
при вводном слове.

Чего коснулся без перчаток
и что касается того, где
оставлен вмятый отпечаток —
там те же когти.

Рвут, набирая обороты,
все синтаксические связи
до несварения, до *рвоты*
от псевдо-квази.

Бессильно лгут и стиль, и почерк,
и Музы скорбная гримаса,
и эта клякса между строчек —
тавро Пегаса.

Сложились признаки состава —
и улюлюкают улики:
осыпалась былая слава
в провал великий.

Анализом осевшей мути
заговорённого *отвара*
проявится без ложных вздутий
лицо *товара*.

Как действовало? С кем якшалось?
В какую сторону глядело?
Любой пустяк, любую шалость —
на свет и в дело!

Читаем — слышим: буквы стонут.
Защитный немощен рефлекс там,
где тайносущность рыщет по-над
открытым текстом.

Чтоб долг свой ревностно, по чину
текстологический исполнить,
всё-всё слоистую личину
заставим вспомнить.

Всю пыль подпольную развеяв,
дадим свободу страхам спящим.
Все идеалы с эмпиреев
цинично стащим.

Изучим кухню. Антресоли
добавят к найденному прежде
то ли тротил с гашишем, то ли
кровь на одежде.

Для полной слаженности хора —
подспудные ухмылки сносок.
В мотив сквозной вплетает *втора*
свой подголосок.

А вот и *автор*, заговорщик...
Смущён, замешкался в передней
— Пожалте-с в протоколе росчерк,
штришок последний.

2009

РЕПАТРИАНТ

Пригляделся и Явленного узнал,
из анналов извлёк провидческий фоторобот,
убедился, увидел: воистину Сын Давидов —
и пошёл за Ним, не вполне себе представляя
предстоявший путь. Оказалось, как раз и вёл
к той реке святой, к тем горам святым и пустыням,
в тот заветный град... Но как только нашёл приют в нём,
усомнился: да Тот ли? а может быть, поспешил?
Может быть, не настало время ещё и надо
ещё долго ждать со смиреньем, как ждали предки?
Может быть, о ком-то другом вещали пророки?
Огляделся, увидел ждущих вокруг, подумал
и решил пришествия дальше со всеми ждать —
всё равно какого — первого или второго...

2012

ИНКВИЗИЦИЯ

В одиночку или стайно,
злонамеренно, злонравно
племя действует врагов.
И у действующих тайно,
и у действующих явно
цель одна: подрыв основ.

Малодушны чрезвычайно,
а под пыткой — и подавно.
Неусыпна Божья рать:
иудействующих тайно,
иудействующих явно
не преминет покарать!

2012

ДВА ЛУБКА

1. ПОПСА ПОПОВСКАЯ

Православная цивилизация под смертельной угрозой.
Сербия оскорблена унижительной метаморфозой.
Греция разорена. Афонский монах под стражей.
Болгария и Румыния стан укрепляют вражий.
Грузия рвётся туда же. Расколота Украина.
Влияние американское пагубней героина.
Вся надежда — на Третий Рим, на Евразию нашу то бишь:
уж её-то, блядь католическая, не соблазнишь, не угробишь!
Только мы и верны Христу, наши ценности охраняем
от супостатов безбожных, а либерасты — родня им.
Оклеветали историю нашу. Петь не дают осанну
Иосифу Победоносцу и Грозному Иоанну.
Тело Отечества страждет. Вырежем, как хирурги,
язву измены! В руках наших — Крест Святой и хоругви!
С нами Димитрий Донской, Георгий и князь благоверный
в битве с бесовской ордой и содомской скверной.
Не подорвать им единства нашей Духовной Общины!
Щедры её кормильцы, и недра неистощимы.
Тщётно тягается с нею хазарская их синагога,
ибо их роскошь — от Ротшильда, а наше богатство — от Бога!

2. ДЕПУТИНИЗАЦИЯ

Время прозрения и покаяния... Прогоревшие до огарков,
подаяния просят на паперти отпрыски олигархов.

В клетках — менты-садисты и омовские гориллы.
Нажитые мародёрством великолепные виллы
ястребов южных кампаний — здравницы ныне для сирот,
уцелевших в большой зачистке, что провёл, воцаряясь, ирод.
Селигерские хунвэйбины, забыв бывшее единство,
впали, трясясь от страха, в старческое нелюдимство.
В чёрном списке неправедные, закон поправшие судьи,
депутаты, свои капиталы сколотившие на словоблудьи,
коррупцированные чиновники, всех мастей холуи режима...
А во славу борцов с ним, чья доблесть заведомо непогрешима,
создаются музейные комплексы, воздвигаются монументы
павшим, посмертно представленным к ордену Белой Ленты.
Все институты общественные — от школы до храма Феиды —
пронизывают благотворно воздействующие флюиды.
И круглосуточно правда на всех федеральных каналах
пенится нектаром чистым, бальзамом в хрустальных фиалах,
исцеляя душу народа, Россию с колен поднимая
в наглядной ретроспективе от Путина до Мамаёва.

2012

КАФЕДРАЛЬНАЯ ОДА

Каждый, кто призван Словом и к Истине приговорён
Здесь, в средоточии неотмирной тоски по России,
Над Невой цепенея — над мутным потоком времён —
Тем только дышит: стяжать благодатный дар парресии.
Так вот Зиждитель святилища медлит с разбором лесов,
Сокровенный замысел опоясывает колоннадой,
Где важны лишь зияния, межсловесный безмолвия зов
К алтарю заповедному неизъяснимой прохладой.
Высокою мышцей днесь вострубил Иерихон,
Испытанию верность подверг своего ополченца:
Пасть под стеной обречённый — да будет к бесславию готов!
ХРАМ МОЙ ХРАМ МОЛИТВЫ НАРЕЧЕТСЯ.

Мощь признаётся в бессилии. Себя ослепивший Эдип
Молит о зрении новом. Скорбный мелос псалтири —
В паузах между раскатами рока... Свершилось! погиб
Путь предначертанный в богооставленном мире.
Архистратигов имперских в монолит замурованный хор.
Архитектурной кантаты крушащее разум крещендо.
Образ крещения Духом. Судного Дня собор.
Всё, чем здесь оправдаться из сил выбиваемся тщетно.
Храм наш — моленье о храме... Фимиам александровских лип
Стелется над ступенями, с дорожным мешается прахом —
С пеплом непринятой жертвы, сулящей новый раздор.
НА ТЯ ГОСПОДИ УПОВАХОМ

ДА НЕ ПОСТЫДИМСЯ ВОВЕКИ.

Оберег храма — моление о берегу... На износ
Труждается голос, взыскупя защиты, опеки.
Из этих сиротских литаний слагается апофеоз
Вселенской трагедии. Кренит, заливаает подмостки —
Палубу-паперть — левиафаном ревя, океан.
Только вещей мираж — надо всем: нерукотворный колосс,
Идол российской истории на шумном её перекрёстке.
Неговорящий гранит. Громокипящий орган.
Незатихающий плач о разорённом доме,
О милосердной отеческой кровле, что снёс ураган,
О истекшей монаршей любви в золочёном шеломе.

ГОСПОДИ СИЛОЮ ТВОЕЮ ВОЗВЕСЕЛИТСЯ ЦАРЬ.

Разбрехались — клялись: навсегда. Обернулись: та же немая
Сцена: маски стыда и отчаянья. Так же, как встарь,
Тьмою белесой объята вершина Синая.
Так же, как встарь, над партером — пара копыт.
Патина с выцветшей кровью — спектр театральной подсветки.
Та же лампада последней надежды коптит,
И до сих пор не слетел голубь с коринфской виньетки.
Образы-волны качают, как щепку, ковчег.
Без направленья плывёт он, ветрам и наитьям внимая,
Страха не ведая. Небо светлеет, как будущий век.
Звёзды глядят, как воскреснуть готовые предки.

ЦАРЮ ЦАРСТВУЮЩИХ, вот мы пришли и стоим.

Зыблются, слышишь, сердца молитвой косноязычной,
Тихому веянию внемлют... Ты ли дыханьем Своим
Их согреваешь и веточкой манишь масличной —
Певческим даром — тем Градом Небесным, но здесь,
Где глагол первородный перерастает в деянье?
Чаши российской причастник, наследник! инога не грезь

Храма для Слова... Субботнее тьмы обстоянье —
Песнопенья предвечный источник, твой несокрушимый Солим.
Радуйся, царствуй во славу державы своей пограничной
Между святыней и скверной! — и запредельная весь
На раны ея и твоя совершит возлиянье.

1982

ОБРАЗЫ ЛЕСА

1.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес...
О. Мандельштам

Ветер неистовый. Сосны — как трубы органа.
Птицы притихли. Небесному голосу бор
вторит — готический емлющий холод собор,
зрению и слуху представший как фата-моргана.

Божьего гнева раскаты и всполохи веры
образ в сознании смутном достроят вот-вот —
и заведут, воспаряя под стрельчатый свод,
свой хоровод полуангелы-полухимеры.

Осень крестом свой приход, как последней любовью,
ознаменует, в древесности окаменев.
Волны хорала качнут многопарусный неф
гулким влечением к новому средневековью.

Зиждясь воочию, апофеоз темно-хвойный
сквозь чешую мозаичную ввысь устремит
шпили и помыслы... Господи, что предстоит?
Сумерки разума? Религиозные войны?

Диких ли скифов усть, непокорным ли персам
перцу задать — престарелой Европе уже
вряд ли под силу... Слабеющий свет в витраже
призрачный не оживляет собор-универсум.

Тропы былых заблуждений порочная воля
вновь проторит, возвращая на круги своя...
Что человек? Раздавить его, как муравья!
Дымом костров уже тянет с цветочного поля.

Выпростав корни и жухлую милость рассыпав,
тщетно о месте сакральном расколотый ствол
напоминает — всего христианства символ,
переходящий в двоящийся мир архетипов.

Веско и внятно приближен рубеж чужедальний.
Вычислен зверь, затаившийся где-то в кустах.
Молоту ведьм, что сегодня у всех на устах,
истинной веры не выковать без наковальни!

Высоковольтное время, как люгер летучий,
каждою мачтой своей бередит небеса,
каждым регистром пустые глушит словеса,
каждое — вертит пытливо, как флюгер скрипучий.

Жертвенник лживая вновь окружила завеса.
Воздух дрожит. Над букашками вереск и хвощ
рощей священной — и вся сокровенная мощь
здесь, под стропилами непостижимого леса.

2012

2.

я обнимал в лесу тропу...
А. Введенский

Музыка смыслов и логика звуков
движутся к встрече здесь,
в дебрях словесных, насквозь этот весь
тёмный лес проаукав.

Где-то когда-то тропой упругой
в слух обращённый ум,
в глушь углубляясь, побрёл наобум,
звучной влеком подругой.

Буковки-бусинки... Больше и не в чем
здесь утеху найти.
Каждая кочка на этом пути
вторит наитиям певчим.

Не удержать ни трескучим сучьям
шага, ни топи блат.
В ритме его — неотмирный лад,
попранный городом сучьим.

Водит, ведя какую-то фразу,
этот магический лес,
брезжащий в каждом сплетеньи словес
всей композицией сразу.

Не для того ль под стопами кукушкин
лён и олений мох,
чтобы в просвете опушки не глох
шелест: «О Пушкин, Пушкин...»?

2013

ЧЕТЫРЕ ВОСЬМИСТИШИЯ

1.

Без царя в голове, без царя во главе
под знамёнами чёрными скачущих мыслей,
обречённых, как жизнь, потеряться во мгле,
уклоняясь упрямо от всяческих миссий
с неременным жезлом, прорастающим в хлыст,
надо всей распирающей мозг дребеденью...
Ни туда ни сюда: анархист — монархист,
присягнувший на верность царю Берендею!

2012

2.

За церковной стеной, как багульник,
разрастается ересь моя.
Бог души моей сам богохульник —
и какая бы епитимья
ни грозила прополкой под корень
семя веры живой на корню
истребить, отродясь непокорен,
в порах дикий дурман сохраню.

2012

3.

Ещё не все возможности исчерпал
судьбы энергоёмкий материал.
Ещё на трети небеса гипербол
тяжеловесный слог не воспарял.
Ещё плотна завеса аллегорий
и на износ пытается естество.
Ещё горячий цех грехов и хворей
не выполнил задания своего.

2013

4.

Скудельного сосуда полого
возможности разнообразны:
принять весь мир, его соблазны
иль образ существа бесполого —
осадок в виде камня винного,
кристаллизуясь, дно покроешь,
иль джинногунногуманоид
взойдёт из вещества невинного.

2014

НА ФОНЕ ПЕТРОПАВЛОВКИ

Внешний враг так ни разу и не штурмовал эти стены:
опоясаны мутной водой, высоки, неприступны, толстенны.
Занимал, обживал двести лет их лишь внутренний враг.
Равелины отеческой нашей бастилии и бастионы
ещё помнят молитвы, проклятия, вздохи и стоны
заговорщиков, цареубийц, вольнодумцев-бумагомарак...

Ясно вспомнилось вдруг, как бежал вот по этой стене я
вслед за храброй девчонкой и, скрыть мандража не умея,
вниз бросал то и дело испуганный заячий взгляд,
как менты нам оттуда свистели и что-то кричали,
а с другой стороны катерок отдыхал на причале...
Холодок по спине: это было едва ль не полвека назад!

Дальше как-то нечётко, а сам я куда-то за край ускользаю...
Память волны вздымает, и прыгают к деду Мазаю
в лодку лунные зайчики, шубки спасают свои...
— Ох, не надо раскачивать! Будет, вещали оракулы, хуже! —
и размыло потопом, зачатым в Маркизовой луже,
всю мозаику жизни, все разворотило слои.

Вот Волынь и Литва (всем — виват!) входят в невский фарватер,
и радушно в свой сон принимает их Пётр-император,
ни о чём не тревожась, не перевернувшись в гробу.
В усыпальнице той же, в соборе, его почивают потомки,
по футштокам загробным следя погруженье державы в потёмки
и подъём их народа смиренного на роковую борьбу.

Пётр-апостол ждёт ангела в тёмном сыром каземате.
Ну а тот не спешит. Золотой в сером небе сверкает гиматий,
и для ключника Рая ещё не открылась тюрьма.
А беда прибывает — на девять... одиннадцать футов
ординарный превысила уровень, тиной опутав
русский мир и подняв из глубин его столько дерьма,

что дышать невозможно: нужна цитадель карантина.
Детским ужасом перед глазами всплывает картина —
как вода в одиночную камеру дерзкой княжны
палачом сумасшедшим врывается. Близится казнь декабристов.
Колобродит народная воля (в сторонке — зачинщик и пристав).
Нарастает угроза: должно быть, какие-то дамбы нужны!

Обагрённая пеной Цусимы, вот-вот развернётся Аврора —
когти выпустит розовоперстое утро террора.
Вот и залп. Резонируют стены гранитные и берега.
Разверзаются хляби... Доселе в ушах отголоски...
Память, где твой оплот? Отплывает ковчег философский...
Не острог с острым шпилем, а в реку времён — острога...

Что стихия снесла: бедный разум ли? домик Параши?
вековые устои? Бунтарь у тюремной параши
пусть бормочет *ужо* своё или домашний уют
как потерянный рай вспоминает!.. Война ли, волна ли большая
на умысленный город накатится, опустошая —
но орудья осадные стен крепостных не пробьют...

Здесь томился мой ровенский дед, а какая свобода
поманила студента в пылу революции пятого года,
мой под Вильной родившийся дед испытал на себе —
по течению выше, в «Крестах», в оборонной шарашке,
что в блокаду была переправлена в Молотов: гены-мурашки
разбегаются, как тараканы, подзудом притихшей судьбе.

Но сегодня не страх (разве что — за потомство), а старость
леденит мою кровь. Уж недолго томиться осталось,
и всё меньше соратников рядом, в юдоли земной...
Не спасёт от потопа меня этот заячий остров —
и спросонок порой, разогнав своих призрачных монстров,
голоса чьи-то слышу снаружи и чувствую: это за мной!

2015

АЛДАН

Несом теченьем незаметным,
в какую коловерть впаду?
Каким видениям предсмертным
отдамся в старческом бреду?

Через коробку черепную
какой убийственный состав
транзитом пропущу вслепую?
Чем, по крупицам воссоздав,

скреплю разрозненные главы,
когда развязка уж близка,
чтоб не рассыпался трухлявый
сюжет, как домик из песка?

Смогу ль в рассеяньи недужном
трансибром вытянутый путь
в конце усилием натужным
в спираль упругую свернуть?

Упрусь ли в пласт шестидесятых,
на склоне охладивших пыл?
Что выпало тогда в осадок,
узнаю ли?.. Уже забыл,

на станции какой тогда я
на новый заходил виток,
по расписанию гадая:
на запад или на восток?

Нет, не по рельсам — по орбитам
в сознании движутся узлы
вопросов о давно забытом,
вдруг просочившемся из мглы.

Верчусь, едва глаза прикрою
под пыткой призраков своих...
Чем ближе к вечному покою,
тем изощрённей средства их.

Вся жизнь моя мерцает тускло,
как не моя. Не знаю чья...
Один песок. Сухое русло
золотоносного ручья.

2014

ЯЛКАЛА

Игорю Марковскому

Долгое озеро. Память недолгая.
По берегам холмистым
тишь-благодать. Диалектика дохлая
тлеет по русским марксистам.

Старший в Финляндии независимой
здесь умирал, а младший
план стратегический прятал под лысиной
по овладенью падшей.

Третья империя, крахнув с Плехановым,
красной сменилась — четвёртой.
Пятая возвещена Прохановым
с верою в чудо твёрдой.

Виллы на месте концлагеря финского,
долгий забор-антитезис...
Новая Русь напирает воинственно,
Китежем снясь и грезясь.

Разум, пленённый своими монстрами,
жарится на мангале.
...Ходит молва, что на этом острове
трупы в войну сжигали...

Перетерпевшая зиму лютую,
белка грызёт орехи...
Отвоевав, следы свои путают
тысячелетние рейхи.

Долгое озеро. Долгие провода
пришлых идей, гудящих
над нашим скотством, как слепни и оводы,
канувших в долгий ящик.

...Знал я старуху, сестру Зиновьева,
выжившую в ГУЛАГе —
истинном воплощении снов его
о всенародном благе.

В памяти поступь её тяжёлая,
брови густые, жёсткий
блеск её тёмных зрачков — два жёлудя —
и подбородок в шерстке.

А на заре коммунизма брезжащей
Анечке страх неведом:
Гриша и Ленин в своём убежище
Анечку ждут с обедом.

Впрочем, тогда скрывались не здесь они.
Озеро было другое,
где, как в засаде, в досадном бездействии
пламенные изгои...

В тёмной истории мельком неяркая
(нрзб) страница:
слов не сотрёт *Питкя-ярви, Ялкала*
сдвинутая граница.

Долгое озеро. Долгие прения
непримиримых марксистов...
После бредово-апрельского прения
май всепобедно-неистов!

2011

КОНСЕРВАТОР

Александрю Степанову

Ну да, я, конечно, из бывших,
из внуков их и сыновей,
исторгнутых, но не избывших
тоски по России своей —

по той, что едва ли не с детства
в обманчивых грёзах жила,
чтоб участь лишённых наследства
казалась не столь тяжела.

То вспомнится Чёрное море
и тающий Крым за кормой
в слезой затуманенном взоре
с прощальной молитвой немой,

то чуются вышки ГУЛАГа,
какой-то колымский рассказ:
солёная терпкая влага
всё так же сочится из глаз...

Грядущему миру навстречу
я сердце вовек не стремил.
Напрасно зовёт он — отвечу,
что старый по-прежнему мил.

Не хочется что-то пока мне
сознание смещать на восток.
Ещё европейские камни
его направляют поток.

Ещё за окном не стемнело,
и западный ветер не стих.
Звучит ещё вольно и смело
в нём русский классический стих.

2014

ЭТЮД

Акварельное озеро. Помнишь, как мы смотрели многосерийный фильм об английских акварелистах? Они раскрывали этюдники в парках тенистых, а мы открывали такие возможности акварели (разумеется, чисто теоретически), о которых когда-то, на школьных уроках рисования, не подозревали. Вода и туман размывают реальность, что вся в повторях, вся в отраженьях сомнительных, в сплошном *едва ли*.

По существу акварель — отраженье английского романтизма: от якобинских симпатий — к спокойствию абсолютизма, вместо германских бездн — двуединство неба и моря, будущее и прошлое сходятся, вторя и споря. Это — озёрная школа: Саути, Кольридж, Вордсворт с долгой волынкой филологической — Кембридж, Оксфорд. Простые радости жизни с лёгким оттенком грусти... Образ лох-несского пугала узнаётся в большом лангусте.

Вот и вторая молодость минула... Бледные страсти радикального сдвига не вызвали — разве что чуть сгустили краски бытийного ужаса, чтобы игрой на контрасте ожили разных эпох, не мешая друг другу, стили. Многообразье зелёного влечёт к элегической форме. Озеро напоминает об океанском шторме. Вода зацветает к августу, как после бури бурея. Кистями в стакане торчат обломок весла, фок-рея.

2011

ПРОИЗВОЛЬНЫЙ МОНТАЖ

Перед умственным взором недремлющим
прокрути эту ленту назад,
в каждом кадре мучительным зрелищем
концентрируя долгий распад
эфемерной империи внутренней,
уязвлённой, но верной судьбе,
словно звёзды — вечернюю с утренней —
день и ночь совмещавшей в себе.
Смысл какой-то ведь был в этой верности!
Камнем канул — вернуть помощи,
Режиссёр: пусть на зыбкой поверхности
в той же точке сойдутся круги!

...Сжалась вся и, как память, изглодана.
Старый льётся по-новому свет,
приглушён — как бы глядя из Лондона
(Анатолий Максимыч, привет!)
Расцвели все оттенки осенние
умирания в финских лесах,
в белом цвете суля воскресение
на каких-то других небесах.
Где-то там, довоенная школьница,
мама в стайке ближайших подруг.
Карнавальная дикая вольница
волны счастья разносит вокруг,
опьяняет большими надеждами...

«Страшно!» — голос за кадром сказал,
и балетными па центробежными
раздвигается зрительный зал.

О, как благоуханна, как солнечна
та лужайка в наплыве тоски!..
Потемнеет — и двушечку Сонечка
заработает за колоски.
По ненастному времечку Настенька
побредёт — не тюрьма, так сума!
Ономастика строгого кастинга
слух линчует и сводит с ума.
Вылезает, волнами насилия
поднята из глубин забытья,
на экран, как большая рептилия,
достоверности галиматья,
между строк и навязчивых роликов
несусветный кроит свой сюжет,
розовеет колонией кроликов,
кружевами брабантских манжет.

Вот и пьяный корабль обессиленный,
как синюшный ночной нищеврод,
всё какой-то влеком Абиссинией,
пряным веяньем знойных щедрот.
Всё не так ведь, как было... Напомни-ка,
захвати болевой ареал,
чтобы зритель под крышей питомника
глупых страхов своих не дремал!
Всколыхни декорации горние,
чтобы Индии Духа достичь,
чтоб в священном лесу Калифорнии
ожила заповедная дичь!

...Мёртвый дом перекличкой певучею,
как струною разбужен тугой.
Произвольный монтаж по созвучию
узаконен сибирской тайгой.
Смещены Достоевским и Диккенсом
оба центра, а память в плену,
как затворница Эмили Дикинсон,
отдалённую ловит волну.

2013

ВСПОМИНАЯ ДЕРЕВНЮ ШУМЕЙКА ПОД САРАТОВОМ

Елене Гришиной

Укачанный челнами острогрудыми,
касаюсь гривы мраморного льва:
всё тот же сон с мостами и запрудами —
Нева и Волга, Волга и Нева.

Два вектора, два искусства: то западный
холодный блеск, то брезжащий едва
в прапамяти закут лучинно-лапотный —
Нева и Волга, Волга и Нева.

Ширь жизни всей и отмель мимолётная —
две матрицы, несоразмерных два
фантома: мать-земля и гать болотная,
Нева и Волга, Волга и Нева.

Два идола взъярились, жертвы требуя,
а та уж не жива и не мертва —
Параша ль, Катерина ли... Два жребия —
Нева и Волга, Волга и Нева.

Приёмьш кровь не слышит материнскую,
всё каменному сердцу трын-трава,
но связаны системой Мариинскою
Нева и Волга, Волга и Нева.

От Охты-Лахты до Твери-Саратова
топонимические кружева.
Шлюп Крузенштерна, «Ласточка» Паратова —
Нева и Волга, Волга и Нева.

Убежища разбойников, крамольников.
Бурлацкая тугая бечева.
Ночь, улица, процентщица, Раскольников —
Нева и Волга, Волга и Нева.

Под маскою Венеции — мертвецкая.
Скопцы, купцы, луч света, степь, мордва.
Водоразделом — немота немецкая...
Нева и Волга, Волга и Нева.

Два гидромифа... Что от них останется?
Какой утёс? Какие острова?
Безумец петербургский, бесприданница —
Нева и Волга, Волга и Нева.

2015

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ

1. МОНТАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

От *Полтавы* до земляничной поляны
расстояние в два с половиной века,
а от Пушкина с Гоголем — полтора.
Потому и цел городок стеклянный
и надёжна холодных небес опека,
что усвоен был горький урок Петра.

Чтобы впредь не клином в славянском споре,
чтоб на брег чужой не хотелось больше
никогда ступать, не мечталось чтоб
сделать внутренним озером это море,
с козаками чтоб не гулять по Польше —
пресечён был новый шведский потоп.

Не косматый Вий устрашает свеев —
в их кошмарных снах циферблат без стрелок,
катафалк с отвалившимся колесом.
Погрузились, воинственный дух развевая,
в свой колодец памяти — ужли мелок?
ужли ужас внутренний невесом?

Плохо жизнь монтажу поддаётся — вот чем
режиссёр озадачен: уж как друг друга
любят все! — что ж так мучают? Отчего
каждый фильм — как травма? И пастор-отчим
из какого адского прибыл круга,
чтоб затмить весёлое Рождество?

Детский страх вытесняют проделки Пеппи,
над землёю гусь поднимает дикий,
льётся в душу северный тощий свет...
Мир придёт, наверно, и в наши степи —
после нас. А кладбищенской земляники,
кто-то вспомнит, вкуснее и слаще нет.

Одного мы прогнали Карла, другому
охмурить себя дали, поверив слепо...
Нас в заложники нечисть живьём взяла —
по стокгольмскому так и живём синдрому,
породнившись, как Кочубей с Мазепой:
пленены, очарованы силой зла.

2. ПУГАЧЁВ

«...а ворон-то ещё летает». — Сколько лет
ещё летать ему? — спросить бы самозванца.
Повертим блюдечко — получим ли ответ
в потёмках вещего сеанса?
То мрак, то морок... То тевтоны, то орда...
Когда ж в воздушном океане окаянства
над нами, чернокрыла и горда,
бесследно растворится эта птица?
В двуглавого орла уже не превратится —
и курицей кудахчет: никогда!

3. ДУБРОВСКИЙ

Псари и писаря в дуброве нашей
кричат «Ау», а слышится «Ату».
Фитюлька ль наглая прогонит ферта взащей,
иль ферт зажжёт фитиль и выкурит фитую?

Растаял в дымке призрак счастья с Машей,
а разум, самоварною трубой
дымящий, всё кипит ещё: слова-то
корнями так переплелись между собой,
что сам закон разросся, как разбой,
и буквой ворожит замысловатой.

4. КАПИТАН КОПЕЙКИН

Шехерезада и Семирамида,
чертоги пышные на берегах Невы,
зачем вы русского пленили инвалида?
в леса рязанские зачем загнали вы?
чтобы прекрасного урод не портил вида?
чтобы надежд напрасных не питал?
Беречь Копейкина — он был отважный воин —
твой долг, Империя! — чтоб не нанёс пробоин
тебе ж! иль твой расходный капитал
и отблеска твоей победы недостоин?

2015—2016

ГОГОЛЬ И РОССИЯ

У ПАМЯТНИКА

(вместо эпитафии)

Рухнула и — бездыханна. На повороте — в кювет.
В пропасть, во мрак. Да жива ли ты? Дай ответ.
Не дает ответа. Вырваны языки ее колоколен.
Крылья обвисли. Скорбен и безглаголен
Ангел с вороньим клювом, застывший поодаль, в вереске.
Повозка и скарб драгоценный —
все разлетелось вдребезги...

Гоголь, поэт и монах, разогнавший назойливых муз,
Монастыря не обретший и к жизни утративший вкус,
В бронзовом кресле сидит, не слыша московского шума,
Весь — немота и смиренность, и на челе его дума —
Грузной вороной с рисунка пером Добужинского:
Неугасим ореол наваждения сатанинского.

Чудится мне: перед креслом пылает камин.
Опустошенной душе ничего нет милее равнин,
Снегом покрытых, и бесконечной дороги...
Слышу, как полночь кукует... Кончено: смерть на пороге.
Вижу, как он превращает, обряд совершая таинственный,
В пепел свой горестный свиток,
и вспышки, как отсветы истины —

Той, что, измаяв дотла, наложила запрет
На преломленье в словах — его оживляют портрет
В черном металле. И — Боже мой! — как неуместны
Речи, москвичка, твои! как неколебимо отвесны!
Век наш, должно быть, объят мороком летаргическим,
Что не развеять никак тонким свечам литургическим...

Вот, — указывает москвичка мне, — тот особняк,
Где умирал он для мира, где дух его мощный иссяк...
Век наш, должно быть, взлелеян неистовым Виссарионом.
Впрочем, и тот уж с небес оком глядит умудренным
На миргородскую новь окаянно-печальную,
В тройке крылатой узнав Троицу Живоначальную.

Чудится мне: перед бронзовым креслом черта,
Что преступить он собрался, или вернее, врата
В образе прежнем — камина, что вот уж не жар излучает —
Холод могильный, и кто-то оттуда встречает
Душу его полегчавшую, тень, мимо нас шелестящую,
К новой отчизне дорогу молитвой о бывшей мостящую...

1982

ДВА СЮЖЕТА

Поляки ли — подручные Европы —
Московию ослабить норовят,
или грозят Египту эфиопы,
но Радамес идёт наперехват —

не впустят католическую ересь
в Святую Русь лихие козаки,
и жениха ревнивая Амнерис
погубит, изнывая от тоски.

Андрей, влюблённый в дочку воеводы,
блокадницу от голода спасёт.
Навстречу смерти под глухие своды
любовь свою Аида пронесёт.

Тарас неколебим. Воздеты длани
жрецов Изида: приговор суров.
Изменники не ищут оправданий,
но жалость наша всем даёт покров!

В НАЗИДАНИЕ ЮНОШЕСТВУ

И куда ж привело майора его несусветное горе?
Прошмыгнула утрата злосчастливая между колоннами.
Он — за нею. И вот уж в Казанском соборе
отвлекает её от усердной молитвы с поклонами.
Как же можно? Оно, конечно, тогда новодел
и к тому же базилику напоминает римскую.
Разговор хоть и с важной персоной, но как бы, взвинтись, не задел
чьи-то тонкие чувства, настроенные на Херувимскую!
Ну а если вспомнить, что здесь покоится русская слава,
то совсем уж нехорошо... Впрочем, фабуле перенос
места действия не помешает: состав словесного сплава
допускает любую замену — как и этот сон, этот нос,
что в музее недавнем вполне бы мог в экспозиции
получить эксклюзивную роль, а она бы его страховала
от кошмаров пыточной камеры инквизиции
(по соседству уместен отдел скоморошества и карнавала).
Заспиртованный в колбе или просто муляж,
хорошо бы смотрелся объект этот амбивалентный,
то плюмажем красуясь, то — что за пошлая блажь! —
незаслуженной орденской лентой.

ЗАТВОРНИЦА

И куда ж, Бладобрей, ты окно прорубал,
подчинив чернь и свиту своей паранойе?
Продолжается твой ассамблеющий бал:
пляшут красная свитка и рыло свиное.

Враг из малой России в столицу большой
(чересчур!) отнесёт и назад столь же швыдко,
но не сладит с трофейною русской душой —
что ей рыло свиное и красная свитка?

Вырывается из отвратительных рук,
вновь забилась в закут — и на чорта окно ей!
Отдышалась едва, огляделась вокруг:
те же красная свитка и рыло свиное!

Ей вселенская ярмарка хуже ярма,
благотворен затвор — никакого убытка!
Без пустошных обид, без хлопот задарма,
даром — рыло свиное и красная свитка!

ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ДИАГНОЗ

Взять наших классиков — сплошь русофобская круть!
(Или консилиум возле постели больного?):
и Карамзин ведь... и гОгОль (очки дальнозоркие) —
вот: «когда чорт и москаль украдут что-нибудь,
то поминай как и звали»... Наверное, снова
проворовались — давно Щедриным эта оргия
объяснена... Не успеешь и глазом моргнуть,
как, уловив надлежащий настрой с полуслова,
ринутся в бой кавалеры святого Георгия!

«ИГРОКИ»

Трагедия нашей жизни со всех сторон
и снизу доверху... *Этак Россия вся
должна застрелиться!..* Но снова, казну трясая,
краплёные лица тасует наш лохотрон...
Несчастливая жертва с рванувшей ва-банк душой
и шулер-бенефициант готовы к большой
игре под призывно-призрачный звон монет.
В ней — высшие тайны, а лицепрятья нет.
Бродячая труппа. Какие-то векселя.
Фиаско. Простор отчаянью и тоске...
Такая уж надувательская земля —
египет финансовых пирамид на песке!

ГИПОТЕЗА ЗЕМЛЯНИКИ

Вероятно, Россия хочет вести войну,
а начальство хочет узнать, нет ли где измены.
У кого не найдётся грешок, чтоб вменить в вину
да к стене припереть: не шпион ли иноплеменный?
Не отстанут инкогнито эти, хоть бей себя в грудь,
хоть к монаршим стопам припадай: «ох, попутала нечисть!»
«На врага работаешь», — скажут и чем, найдут, припугнуть.
(Самого бы автора, кстати, за такую комедию в Нерчинск!)

БРАНЬ ГОРОДНИЧЕГО

«у! щелкопёры! либералы проклятые! чортово семя!» —
не затихают раскаты обиды, поднесь рассыпаются всеми
так и не сбывшимися мечтами... Не удалось
жизнь обустроить, как было обещано... Горечь и злость

выхода требуют, а если нет выхода — взрыва...
Стоит зажмуриться: тройка летит в никуда, златогрива,
по бездорожью российскому, искрами из-под копыт
бисер заоблачный мечет, злосчастную землю кропит...

ЧИЧИКОВ

Приятный наклон головы
даёт направление мыслям
не слишком приятным, увы:
что время уходит и мы с ним,
что вот уже в зеркало глянь —
и в просверке грустной догадки
сам, дрянью наполненный всклянь,
увидишь, какой же стал гадкий...
Вон рожа кривая, а вон
России дальнейшие виды,
но это — лишь призрачный фон,
и нет на удел свой обиды.
Герой только руки потрёт
и жизнь подытожит на пальцах,
чтоб, как записной патриот,
сидеть на своих капиталцах.
Всё сбудется, как предрекал
измученный автор — недаром
наставил повсюду зеркал
в поддержку слабеющим чарам.
В его галерее тоски
мы, как в лабиринте, застряли —
и смотрят на нас двойники,
как мёртвые души в астрале.

РУССКАЯ АПОФАТИКА

Насмешка над человеком — над воплощённой ложью,
над уплощённым, пошлым его мирком,
над чортиком в бричке, катящейся по бездорожью,
и над собой, конечно, — чтоб каждому, умер в ком
божественный дух, достался во славу Божью
из будничной грязи слепленный на смех ком...

Выйти из-за кулис — как выйти из всех приличий:
от вкрадчивых искушений, допустим, шмыгнуть в окно.
Любовь и страшит, и тешит, язык обретая птичий:
наши-то смыслы, кажется, стёрлись давным-давно.
Перед вторым пришествием немеет и городничий...
В общем, кому-то страшно, а кому-то смешно.

В сущности, страх и смех — соперники-единоборцы:
разнообразных приёмов у каждого свой арсенал.
У каждого свой оскал, а в игре искажённых пропорций
глаза велики у первого, второй же мал, да удал.
Славно у нас расцвёл экстремальный спорт сей!
Наш самый страшный писатель умел смешить наповал!

Этот космический смех, как подвиг юродства, горек,
а зрителю подавай побольше пустых потех.
На то и актёр сгодится — Прохоров алкоголик.
Один только автор хмур, несмотря на шумный успех:
скорей бы уж за границу!.. А царь смеётся до коллик:
всем, говорит, досталось, а мне, говорит, больше всех! —

подарок вручает, помимо двух с половиной тысяч...
А что же Россия? Генералиссимуса вдова
снова сама себя умудрилась высечь.
Общественные пороки сложены, как дрова,
но искорки добродетели не удаётся высечь.
Тело дрожит от холода, а душа — как будто мертва.

Мертва для этого мира...Силы почти иссякли,
а всё ещё хорохорится, будто наоборот...
Не хочет сходить со сцены, старается — так ли, сяк ли —
заговорить, отвадить стоящую у ворот...
Но медленно опускается занавес в этом спектакле,
и шутнику-малороссу галушки не лезут в рот.

ПРОСТАЯ СХЕМА

Провинция, столица, заграница —
центростремительная целеустремлённость.
Сознания больного искривлённость
нигде побегу не даёт укорениться.

Плоды блужданий бесконечных пожиная,
что толку вспоминать, куда упали зёрна?
Нигде нет центра. Всюду окружная
дорога. Цель же — изначально иллюзорна.

Цель — это замысел, намеченный с порога,
разросшийся, как этот путь фантомный:
до эпопеи пусть и не дорос трёхтомной —
впрок перепажана колёсами дорога.

...Был этот селезень измлада непоседлив,
невыездному Пушкину — антоним,
и на вопрос его, *куда ж нам плыть*, помедлив,
ответил косвенно, что всё равно потонем

в безбрежной хляби пошлости житейской.
Чем гуще околёсица, тем краше
размытые черты России грустной нашей —
и нет ущерба ей от клеветы злодейской!

ГЛЯДЯ ИЗ РИМА

Невлюбил, похоже, гранитные берега,
не влекли под веслом шуршащие камыши...
Но Италия столь была ему дорога,
что уже называл её родиною души.
Словно в грёзы юности путник из снежных стран
вновь забрёл — и воочью предстала как рай земной,
где веснует любовь роскошная и зимой,
а на каждом углу — духовных яств ресторан.

Отогрелся синьор Никола, воспрял, расцвёл,
у княгини Волконской на вилле — желанный гость:
волновал, вероятно, обоих Святой Престол,
кардиналов пурпурных манила спелая гроздь...
Что ж, по вкусу пришлись плоды с обеих ветвей:
слушал мессу в соборе Петра как большой концерт,
а вдали, впереди аскетический ждал десерт —
мудрость оптинских старцев, суровый отец Матвей.

Тут уж не до потех. Карнавал фантомов изжит.
Проступила реальность, потребовав новых средств.
Недовольна публика, возмущена, визжит —
не насытилась, что ли, картинами непотребств?
Есть простые рецепты: исполнить смиренно долг
перед родиной нашей небесной, на внятный зов
устремить к ней сердце, в общем, начать с азов, —
назидал и вдруг, в ожидании чуда, смолк...

Лик России чар колдовских ещё не терял:
в червоточинах весь, чертовщина сплошь, но живой.
Коли строишь из грёз, не пенянь же на матерьял,
превращающий нежную боль в носорожий вой!

До театра абсурда отсюда рукой подать.
В декларациях, как в декорациях — гниль прорех...
Духовидцы учат, что воображение — грех,
и срывают маски, чтоб излилась благодать.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

России ужасы и страхи
египетской мучительнее тьмы.
Из той смирительной, смертельной той рубахи,
как из шинели, вышли мы.

Не вышли — вырвались и, разорвав, латаем,
пытаемся соединить
в сознании больном Испанию с Китаем,
но смысловую всё теряем нить.

Чураясь европейского разброда,
всё переписываем наставленья те:
что благородна русская порода —
Бог видит! — даже и в плуте,

что, раздуваясь от гордыни, глухи
к души чувствительным струнам,
что от заслуженной публичной оплеухи,
быть может, польза будет нам,

что просвещением изгнанная злоба
вновь проникает в мир дорогою ума,
как сквозь протёртости худого гардероба
неотразимая зима,

что испытания нам были лучшей школой —
то Апокалипсис у нас, то Домострой, —
изнурены не то хандрой тяжёлой,
не то какой-то мартобрёй.

Всё растолковано любимым обскурантом,
все ампула — у нас внутри:
великий инквизитор и тиран там,
еретики и бунтари...

А почерк уж не тот, и нюх собачий,
похоже, притупился... Что-то там
не так.... Неужто дух, томимый сверхзадачей,
не исцелить Святым Местам?

На голову не надо только капать
водой холодной! Такая жуть кругом,
что и расхлябанный, невинный русский лапоть
испанским пахнет сапогом!

Так нам и жить, Акакию акафист
многострадальному так нам и петь в плену
у гоголевской матрицы, покамест
земля не сядет на луну!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Облитые горячими слезами,
уже огнём охвачены тетради.
Весь растворён в молитвенном бальзаме,
сгорает сам художник Бога ради.
Скиталец, сумасброд, самосожженец —
каких он не выкидывал коленец,
пока Москва — холодная могила —
дух беспокойный не угомонила.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Ничего, увы, никем не понято:
вывернуты даром потроха
неисповедимого инкогнито...
О, как ночь московская тиха!
Небо — как земля. Пора бы месяцу
выйти сеять звёздную пыльцу...
«Лестницу, подай скорее лестницу!» —
и Господь подал, как праотцу...

В ЗАГРОБНОМ ВЕЛИЧИИ

Что немцу мистика, то русскому проект
внедренья истины во все слои, во всякий
сегмент общественный... Ворчат славянофилы,
во гневе западники — для обеих сект
непостижим, как Вий или Акакий
Акакиевич, вставший из могилы.

Открылось: вот от всех напастей щит! —
и, очарован всласть Фомой Кемпийским,
в монастыре души оцепенел до смерти,
чтоб сон свой вечный, чуть Россия затрещит,
прервать, когда Фома Фомич Опискин
в мир явится — и врассыпную черти.

Осмеянный насмешник от стыда ль
в гробу перевернётся, компромисс ли
найдут когда-нибудь шлафрок и власяница —
всё ж легкомысленный писатель зорко вдаль
глядел, зернистые разбрасывая мысли:
собрать их в кучу — всё и объяснится!

ТАКАЯ ОПТИКА

Чем для него была Россия? Призмой
хрустальной, сквозь которую душа
ловила проблеск истины капризной,
миазмами реальности дыша.

Мгла уплотнялась, но так резво *нечто*
играло перед взором, так влекло,
что вожденный проблеск бесконечно
магическое множило стекло.

То юной ведьмой, то безумным персом —
то перед зоной фокуса, то за —
как будто сам размытый универсум
живые встречу выпучивал глаза.

2015–2016

СОДЕРЖАНИЕ

I

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ	4
«Смертельным не зови симптом...»	6
«Неволит разве Зодиак нас...»	7
«Ни шагу навстречу, ни слова!»	8
«Ветвятся и вьются. Схлестнувшись, цепляют друг друга»	9
«Пейзаж с водонапорной башней»	10
«Интересы мои со временем разошлись не на шутку»	12
«Я помню детство первобытное»	13
«Не пишу, пишу́ — для души ненасытной пишу...»	15
«Разговор беспредметный — и глухонемые...»	16
НА СМЕРТЬ ВСПЫШКИНА	17
«Уходим, уходим... до будущей встречи...»	
«Ушедшие, которых пережил...»	
«Все наши куцые заслуги...»	
ЭЛЕГИЯ	21
ПАСТОРАЛЬ	23
ПАМЯТИ Б. Д.	24
МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ	25
«На прощание всем надо всем...»	28

II

«Как выразителен этот уступ...»	30
АДРЕСА	
1 (искусство). «Мутной лужицей на дне двора-колодца...»	32
2. «Рассеянный ум лоботряса с Бассейной...»	32
3. «В тёмной ли комнате, в книге ли...»	33
4. «Здесь, между кладбищем и заливом...»	34
«О мистическом теле России...»	36
«За Петровым бугром бродит по небу гром...»	37
«Грозовой надвигается фронт...»	38
«Отполыхали сполохов зигзаги...»	39

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. (Нострадамус) «Под космами космического ветра...» 40
2. «Вновь подморозило — и, вроде...» 40
3. «Две России — как две Кореи...» 40
4. «Скоро, скоро дух наш сбросит, прозрев...» 40

ДВЕ СТРАНЫ

1. «Гирляндия — страна невнятных грёз...» 41
  2. «Баландия — страна, где царь и тать...» 41
- «Когда живописных средств языка...» 43
- «Исландский мох и сладкий мёд...» 44
- ПАУЛЬ ЦЕЛАН — ЖИЗЕЛЬ ЛЕСТРАНЖ 45
- РОМАН О РОЗЕ 46

ПРОЩАЙ, ПРАЩУР!

1. «В том краю, на краю, у края...» 47
2. «И станет Киев русскою мечтой...» 47
3. «По Русландии заколдованной...» 48

III

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ МОСКОВСКОГО ХРАМА

- ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ 52

СТИХИ О РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

1. «Жил и работал, работал и жил...» 54
  2. «Не Левитан — скорей всего, чуть позже...» 55
  3. «Тебе ли неведом опыт отсутствия долгого? Пыль дорог...» 55
  4. «Ты и во гневе целишь недужные наши души...» 56
  5. «Уж замуж невтерпёж... В дверях — жених...» 57
  6. «Бурлаки и под плетью метели...» 57
  7. «Помню, как ужас овладевал...» 58
  8. «В мире абстрактных пустот...» 59
- «Что власть? — лишь лоцман-медиатор...» 61
- «Справедливость, свобода, честь и слава отечества...» 62
- «Обиды Демона отвергнутого...» 63
- «Чтоб оккупантам противостоять...» 64

DIE SCHULDFRAGE

1. «И в третьем рейхе пели птички, дар...» 65
  2. «С любимой кошкой на диване...» 65
  3. «В здравом рассудке, как в противогазе...» 66
- «День с двух боков ночами стиснут...» 67

КРЕЩЕНСКОЕ	68
«Эти варвары варят и варят свой тощий словарь...»	69
«Неужто всё на самом деле...»	70
«Райская весь: полсела ботанический...»	71
«В сердце моё войди, о Слово...»	72
СОНЕТ	73
«Утонул инженер человеческих душ...»	74
«Полиция по лицам узнаёт...»	75
ОБЫСК	77
РЕПАТРИАНТ	79
ИНКВИЗИЦИЯ	80
ДВА ЛУБКА	
1. ПОПСА ПОПОВСКАЯ	81
2. ДЕПУТИНИЗАЦИЯ	81

IV

КАФЕДРАЛЬНАЯ ОДА	84
ОБРАЗЫ ЛЕСА	
1. «Ветер неистовый. Сосны — как трубы органа...»	87
2. «Музыка смыслов и логика звуков...»	88
ЧЕТЫРЕ ВОСЬМИСТИШИЯ	
1. «Без царя в голове, без царя во главе...»	90
2. «За церковной стеной, как багульник...»	90
3. «Ещё не все возможности исчерпал...»	91
4. «Скудельного сосуда полого...»	91
НА ФОНЕ ПЕТРОПАВЛОВКИ	92
АЛДАН	95
ЯЛКАЛА	97
КОНСЕРВАТОР	100
ЭТЮД	102
ПРОИЗВОЛЬНЫЙ МОНТАЖ	103
ВСПОМИНАЯ ДЕРЕВНЮ ШУМЕЙКА	
ПОД САРАТОВОМ	106
БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ	
1. МОНТАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ	108
2. ПУГАЧЁВ	109
3. ДУБРОВСКИЙ	109
4. КАПИТАН КОПЕЙКИН	110

V

ГОГОЛЬ И РОССИЯ

У ПАМЯТНИКА	112
ДВА СЮЖЕТА	113
В НАЗИДАНИЕ ЮНОШЕСТВУ	114
ЗАТВОРНИЦА	115
ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ДИАГНОЗ	115
«ИГРОКИ»	116
ГИПОТЕЗА ЗЕМЛЯНИКИ	116
БРАНЬ ГОРОДНИЧЕГО	116
ЧИЧИКОВ	117
РУССКАЯ АПОФАТИКА	118
ПРОСТАЯ СХЕМА	119
ГЛЯДЯ ИЗ РИМА	120
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ	121
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ	122
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА	123
В ЗАГРОБНОМ ВЕЛИЧИИ	123
ТАКАЯ ОПТИКА	124

Отпечатано в типографии «Art-X-Press»

Санкт-Петербург, Уральская ул, 17

Формат 60x88/16. Тираж 100 шт. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 7,84

